УДК 93

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭПОХИ В ВОЕННО–РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

Крохина Н.П.

Шуйский филиал Ивановского государственного университета, Шуя, e-mail: nadin.kro@mail.ru

Анализируются работы Н.А. Бердяева 1914–1920 гг. Отмечается, что видимые философу перемены духа времени в начале XX века становятся очевидными в конце XX века и в начале века XXI-го. Акцентируется, что одним из первых Бердяев заговорил о новом, цивилизованном варварстве, угрожающем современному человечеству. Выявляется поиск смысла истории в постановке проблем: «конец Европы» как конец Нового времени и европоцентризма, наступление эпохи активного взаимодействия Запада и Востока, мировое призвание России, защита национального единства, критика революционного максимализма. Подчеркивается, как глубоко ставит Бердяев проблему национального сознания и национального единства. Также подчеркнута актуальность геополитического дискурса русского мыслителя и его размышлений о духовных потенциях России. Делается вывод об актуальном звучании поставленных философом истории вопросов об эпохе великого переселения народов, о равноценности Запада и Востока, о диалектике национального и универсального, об историческом призвании России как защитницы и объединительницы народов, утвердительницы христианского духа всечеловечности и всемирности. Характеризуется мифологема «смутного времени» как ключевого определения наступившей эпохи подмен и лжерелигий, противостоять которой для философа творчества может лишь активная творческая позиция.

Ключевые слова: философия истории, варваризация, хаос, апокалиптическое христианство, национальное и универсальное, мировое призвание России, смутное время

OUTLINES THE GLOBAL AGETO THE MILITARY REVOLUTIONARY PUBLICISM N.A. BERDYAEV

Krokhina N.P.

Ivanovo State University, Shuya Affiliate, Shuya, e-mail: nadin.kro@mail.ru

Analyzes the work N.A. Berdyaev of 1914-1920 gg. It is noted that the visible changes philosopher zeitgeist of the early twentieth century, become apparent at the end of the twentieth century and the beginning of XXI century. The attention that one of the first Berdyaev spoke about the new, civilized barbarism that threatens humanity today. Revealed the search for meaning in the history of the formulation of problems: «the end of Europe» as the end of modern times and Europocentrism, the advent of active interaction of East and West, a world-calling of Russia, the protection of national unity, the criticism of revolutionary maximalism. Under-emphasizes how deeply puts Berdiaev problem of national consciousness and national unity. Also emphasized the relevance of geopolitical discourse Russian thinker and his thoughts about the spiritual potencies of Russia. The conclusion about the current sound set philosopher of history questions about the era of the great migration of peoples, of the equivalence of the West and East, the dialectics of national and universal, the historical vocation as the defender of Russia and obedinitelnitsy peoples utverditelnitsy Christian spirit of universal humanity and universality. Characterized myth «Time of Troubles» as a key determining an era of substitution and false religions, to resist that only active creative position may philosopher creativity.

Keywords: philosophy of history, barbarization, chaos, apocalyptic Christianity, national and universal, global calling Russia, troubled times

Столетние юбилеи судьбоносных событий XX века обращают к их новому осмыслению, которое заложено в работах Н.А. Бердяев, С.Н. Булгакова, П.Б. Струве, В.В. Розанова и других русских философов. Эти работы, по словам В.В. Сапова, «надо считать самым величественным у нас памятником» жертвам и героям первой мировой войны, «не только до сих пор не осмысленной», но и «забытой основательно» [3, с. 7–8].

Военно-революционная публицистика Н.А. Бердяева пронизана чувством совершающегося коренного исторического перелома, наступления новой исторической эры. 1914 год открывает, по слову мыслителя, «новую эпоху всемирной истории и новую эпоху истории русской» [1, с. 251]. Мысль выражена Бердяевым экспрессивно

и почти художественно: «Сильный космический ветер колеблет все страны, народы и культуры». Чтобы устоять на этом апокалиптическом ветру, нужны «духовная углубленность», к которой не однажды призывал Бердяев, «религиозное переживание исторических катастроф» [1, с. 118]. Этот ветер остро чувствовали и русские поэты. У А. Блока и М. Волошина ветер тотален: «Ветер, ветер! / На ногах не стоит человек. / Ветер, ветер – / На всём Божьем свете!» («Двенадцать»); о том же «Северовосток» Волошина: «Жгучий ветр полярной преисподней, / Божий Бич, приветствую тебя!». О том же ледяном ветре адской бездны писал К. Бальмонт в «Мареве».

Антиномическая мысль Бердяева схватывает дух времени, внутреннее движение

истории. Как он размышлял, «мир вступает в период длительного неблагополучия и великих потрясений»; «темп его развития будет катастрофический» [1, с. 20, 133]; «человечество вступает в новый исторический и даже космический период, в какую-то великую неизвестность» [1, с. 111], ниспровергающую все доктрины и учения XIX в., что стало очевидным, если не в начале, то в конце XX века. Проблематике конца Нового времени посвящена работа «Конец Ренессанса» (1919), в которой он писал: «Мы выходим из всех привычных исторических берегов. Это остро почувствовалось, когда грянула мировая война» [1, с. 808]. Пути Новой истории – пути гуманизма и Ренессанса пройдены. Освобождение человеческих сил завершается утратой духовного центра и потерей человеком самого себя. Человек, как пишет Бердяев, «вновь впадает в хаос, теряет свои формы, свои границы», творческая энергия не концентрируется, а «распыляется» [1, с. 830] – в чём и выражается «конец Европы».

История для мыслителя парадоксальна и антиномична. Ничто в истории не осуществляется без жертв, без зла, сопровождающего добро. С позиции апокалиптического христианства развёртывается и апокалиптическая философия истории. По мысли Бердяева, «исторические испытания и катастрофы нужны массе человеческой: они её пробуждают, испытывают и карают» [1, с. 273]. Всемирно-историческая катастрофа первой мировой войны явилась для мыслителя, как он отмечал, «кризисом старой культуры..., кризисом всех старых основ жизни» [1, с. 274]. Он её называет «футуристической войной» с её техницизмом, которая «колеблет органически-священные основы жизни». Ближайшим результатом этого сотрясения органических традиций и культурных навыков будет, по слову Бердяева, «частичная варваризация человечества» [1, с. 255]. Мыслитель предвосхищает вступление мира «в ночь нового средневековья» [1, с. 89], один из признаков которого смещение племён, или, словами философа: «Нынешнее историческое время подобно эпохе великого переселения народов» [1, с. 111], о чем открыто заговорили в начале XXI века. По мысли Бердяева, «нас ждёт непредвиденное и неожиданное. После такой мировой катастрофы народятся новые человеческие души и жизнь человечества вступит в великую неизвестность» [1, с. 326], потому что «человечество стоит на перепутье и переживает один из величайших своих кризисов» [1, с. 475]. О подобном переходе говорят и современные аналитики: «Мир подошёл к очередной развилке», «выбира-

ется отнюдь не лучший вариант. Хотя катастрофы вроде Первой и Второй мировой войн нынче невозможны». Но «концентрация негативной психологической энергии» порождает «локальные эксцессы» [2].

Содержание своей эпохи Бердяев определяет как «конец Европы» в одноимённой статье 1915 г. Перед нами иная, не шпенглеровская, не германская оценка происходящих перемен. У Шпенглера главный акцент – негативный: закат Европы, гибель Запада, духовное обмеление, победа материальной цивилизации, конец культурно-исторического цикла, что отсылает к историческому пессимизму Ф. Ницше и Р. Вагнера («Бог умер», «Гибель богов»). Русские мыслители с их апокалиптическим христианством, говорящие от лица «России пророческой», ищущие к «Нового града» [1, с. 38], обращены к иной, позитивной и антиномической логике истории. Конец Европы неотделим, по словам Бердяева, от «мечты о всемирном соединении и всемирном владычестве – вековой мечты человечества» [1, с. 111]. Но к этому всемирному соединению страны и народы идут парадоксальным путём через войны и распри. Война для мыслителя «есть великое зло и кара за грехи человечества» [1, с. 137], но также – выход из «замкнутого бытия народов» [1, с. 113]. Конец Европы для Бердяева – это закат европоцентризма как провинциализма: «Европа перестает быть центром мировой истории» [1, с. 117]. Европа давно уже стремится преодолеть себя, выйти за свои пределы – это процесс естественный, связанный с историческим ростом европейского самосознания. Империализм в политике, теософия в духовной жизни – симптомы движения с Запада на Восток [1, с. 122]. В этом повороте Бердяев видит движение культуры к своим древним истокам [1, с. 117]. Недаром XX век – век культурной антропологии, открытия и интереса к древним культурам. Мыслитель подчёркивал: «Древние расы и древние культуры вновь должны быть введены в мировой культурный круговорот»; «древние расы и культуры Востока не сказали ещё своего последнего слова» [1, с. 429, 432]. Восток, по мысли Бердяева, «по-новому должен стать равноценным Западу» [1, с. 124]: мировая война вовлекает в мировой круговорот все расы, все части земного шара. Она приводит Восток и Запад в такое близкое соприкосновение, какого не знала ещё история [1, с. 113]. Бердяев предвидит активизацию Востока (прежде всего России) и Америки в современном мире: «Восток – один выход за пределы европейской культуры. Америка – другой выход». Он

пишет: «Центр тяжести Западной Европы, по всей вероятности, передвинется ещё более на Запад, в Америку, могущество которой очень возрастет после окончания войны. Да и американизм новейшей цивилизации тянет Европу в Америку» [1, с. 117]. В «Конце Ренессанса» (1919), по его мысли, активизируется крайний Восток: «Старый Свет, центральная Европа, одолевается Новым Светом, крайним Западом, Америкой, и крайним Востоком, загадочной для нас, почти призрачной Японией и Китаем» [1, с. 808]. В любом случае содержанием эпохи является взаимодействие, взаимное обогащение Запада и Востока.

Философ видит и второй процесс: одним из первых в работе «Конец Ренессанса» Бердяев заговорил о начале процесса варваризации европейской культуры, или, его словами, «изнутри, в старой Европе поднимаются стихийные начала», опрокидывающие её основы, связанные с христианством и античностью [1, с. 808]. По его мысли, Европа «сделалась беззащитной от вторжения внешнего и внутреннего варварства». И может наступить новый хаос народов. Для мыслителя «наша эпоха напоминает конец античного мира» или «духовно походит на универсализм и синкретизм эллинистической эпохи» [1, с. 831]. «Многие из нас должны себя чувствовать последними римлянами» и последними представителями христианской культуры – мысль Бердяева актуальна не только для эпохи Серебряного века, но и сегодня, в эпоху опасности «столкновения цивилизаций». Античный мир подготовил форму человека, а в христианстве произошло духовное рождение человека. Уже в работе «Конец Ренессанса» Бердяев размышляет о том, что Европа изменила христианству, отдала человеческую личность, как он пишет, «на растерзание стихийных вихрей», допустила «внутрь своей культуры хаотическое начало». Духовное возрождение человека возможно лишь через углубление христианства, его полное раскрытие. Вступая в ночь нового средневековья, представители русского апокалиптического христианства обращены, словами Бердяева, «к невидимому, грядущему творческому дню, когда взойдет солнце нового христианского Ренессанса» [1, с. 833–834].

Проблема «конца Европы» – это проблема для Бердяева соотношения национального и универсального, проблема роста национального самосознания. Актуальны размышления философа о национальных индивидуальностях: национальность для мыслителя связана с «иррациональной тайной индивидуального в истории», её нельзя раскрыть и утвердить «со старой социоло-

гически-экономической точки зрения» [1, с. 394]. Человечество идёт к единству через национальную индивидуализацию [1, с. 113]. Национальность для Бердяева – «таинственна, мистична, иррациональна, как и всякое индивидуальное бытие» [1, с. 94–95]. Это продукт Нового времени, как и процесс индивидуализации. Рост национального многообразия уменьшает обособленность государств и наций. Национальность не может претендовать на исключительность, она допускает другие национальные индивидуальности и вступает с ними в общение [1, с. 101]. И потому, по мысли Бердяева, «зрелое национальное сознание – сознание всемирно-историческое» [1, с. 119]. Всяческому национальному провинциализму Бердяев противопоставляет всечеловеческий универсализм, неотделимый для мыслителя от всечеловеческого христианского духа [1, с. 26–27]. Новая эпоха требует, как отмечает философ, «органического соединения национального сознания с сознанием универсальным», «осознания мировой роли России, Англии и Германии» [1, с. 124]. Мировая война остро ставит вопрос о судьбе всех национальностей. Но особенно важны для мыслителя вопросы русского национального самосознания, его исторического взросления. Как он подчёркивает, «пора выйти из детского западничества и детского славянофильства» и «перейти к более зрелым формам национального самосознания» [1, с. 68]. Бердяев предвидит, что перед человечеством стоят огромные задачи овладения поверхностью земного шара и регулирования её [1, с. 173]. Критикуя социологическое мироощущение XIX в., Бердяев ставит вопрос о «космическом углублении сознания», «единении с мировыми энергиями» [1, с. 137, 135]. Эта его мысль неотделима от становления русского космизма и зрелого национального самосознания.

Современный универсализм с его тягой за пределы замкнутого национального самосознания – это империализм. Бердяев сопоставляет в одноимённой статье «империализм священный и империализм буржуазный». Говоря современным языком, перед нами разные ступени всемирно-исторического процесса глобализации. В эпоху модерна имперско-конфессиональные единства уступают место «торгово-промышленному», «буржуазному» империализму, отличающемуся своим экономизмом. Мировая война – результат того, что, как отмечает аналитик, «великие державы ведут мировую политику, претендуют распространять своё цивилизующее влияние за пределы Европы, на все части света и все

народы, на всю поверхность земли» [1, с. 113]. Мировая война – результат борьбы трёх великих держав – Англии, Германии и России за мировое преобладание. Бердяев сопоставляет три типа имперской геополитики. Английский империализм, его словами, – «мирный, культурно-экономический, торгово-морской» [1, с. 115; 17, с. 431]. Англия – «величайшая морская держава», как Россия – «величайшая сухопутная держава» [1, с. 105]. Германский империализм – агрессивный и захватный, «воинствующий империализм» [1, с. 245], по его определению, главная причина мировой войны. Но, подчёркивает мыслитель, «более всего боится Европа огромной и таинственной России, всегда казавшейся ей столь чуждой и неприемлемой». Европа всегда вела политику сдерживания России, стремилась, по мысли Бердяева, «не допускать её в мировую ширь, препятствовать мировой роли России» [1, с. 121–122].

Россия в знаменитом определении Бердяева – «великий Востоко–Запад» [1, с. 69, 108, 434, 539]. Ей чужд империализм в английском или германском смысле слова, потому что, как отмечает философ, «великая империя – наша данность, а не задание. Россия слишком велика, чтобы иметь пафос расширения и владычества» [1, с. 117]. Проблема мирового призвания России – важнейшая тема Бердяева. Россия для Бердяева является, по его определению, «носителем всемирного духа, сверхнационального универсализма» [1, с. 269]. Миссия России как «великого Востоко–Запада», по мысли философа, – «невиданное объединение Запада и Востока» [1, с. 108], «защита и освобождение малых народов» [1, с. 118]. Россия, подчёркивает Бердяев, «призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству», что явится исполнением христианских заветов, «духа всечеловечности и всемирности» [1, с. 35]. Она призвана, говоря его словами, «расширить и углубить» европейскую культуру [1, с. 539]. Об этом мировом назначении России Бердяев немало размышляет в своей работе «Конец Европы»: «Мировая миссия России в её духовной жизни, в её духовном, а не материальном универсализме, в её пророческих предчувствиях новой жизни, которыми полна великая русская литература, русская мысль и народная религиозная жизнь» [1, с. 118]. Бердяев предвидит, что мировая война кардинально изменит положение России в мире и выведет её, как он пишет, «из замкнутого провинциального существования в ширь мировой жизни». Мыслитель также предвидит путь через «великие жертвы», ибо, как он отмечает, «слишком вну-

тренне не устроена Россия, слишком много элементарного должно в ней решиться» [1, с. 123]. Одна из её исторических антиномий – разрыв между внешней и внутренней политикой. Он пишет: «Несчастье России в том, что она исторически так запоздала с осуществлением элементарных и обязательных либеральных начал» [1, с. 401]. Он размышляет о внутренних бедах России: «Незрелость глухой провинции и гнилость государственного центра – вот полюсы русской жизни» [1, с. 76]; «В России есть трагическое столкновение культуры с тёмной стихией» [1, с. 61]. Он видит «разрыв общества и власти» [1, с. 341]. Он видит «омертвление мысли консервативной и революционной». Как он отмечает, «у нас любят только простые и прямолинейные решения» [1, с. 194], есть «любовь к катехизисам» и «нелюбовь к самостоятельной мысли», но в глубине русского народа, подчёркивает философ, есть «живой дух, скрыты великие возможности» [1, с. 84, 90]. Россия должна, по мысли Бердяева, «преодолеть односторонность западной культуры», она «раскроет свои великие духовные потенции» [1, с. 292], но внешняя социальная европеизация необходима и неизбежна [1, с. 124, 299, 445].

Но как ни плоха внутренняя политика России, Бердяев подчёркивает, что «международная её политика всегда была жертвенна и бескорыстна». Россия, по его определению, – «носителем идеи мира». Славянскому духу свойственны, отмечает философ, «защита и бескорыстная жертва». Не раз на долю России выпадала бескорыстная и жертвенная миссия [1, с. 246]. Он пишет: «Историческая судьба русского народа была жертвенна» [1, с. 85]. Россия некогда защитила европейскую культуру от нашествия татарщины, или, словами Бердяева, «своей жертвенной кровью спасла Европу, которая всегда оставалась ей неблагодарна». Россия же спасла Европу от наполеоновского нашествия, воевала за освобождение славян и сокрушила могущество Турции. Ныне, провидит философ, перед Россией стоит новая жертвенная задача. В этом прогнозе Бердяев абсолютно прав: Россия призвана спасти, по его словам, «весь культурный мир от германской опасности», от «воинствующего пангерманизма» [1, с. 246]. Война будет продолжаться, провидит мыслитель, «до сокрушения и смирения германизма» [1, с. 312]. Эта жертвенная задача и была осуществлена ценой двух мировых войн, ценой гражданской войны и ускоренной, сталинской индустриализации. Потому он называет первую мировую войну войной отечественной: «Нынешняя

война является духовным продолжением войны отечественной. В ней русский народ ещё раз сознает себя единым призванным для мирового дела правды – отражения... притязаний пангерманизма, опасных для всех народов», а «характер русского народа через жертвы и испытания, перенесённые во имя правды, окончательно созреет для более свободной жизни» [1, с. 248].

Не однажды Бердяев пишет о конце «петербургского периода русской истории» и рождении «новой России» [1, с. 251], сила которой в национальном единстве. Он отмечает: «Россия выковывается как нация, обладающая целостным характером и целостным сознанием» [1, с. 399]. Знаменитые размышления Бердяева о противоречивости русской ментальности – свидетельство незрелости национального самосознания. Он подчёркивает, что «вся энергия нашего духа должна быть направлена на национальное самоопределение и национальное самосохранение» [1, с. 359]. По его мысли, «Россия как цельный организм... непобедима» [1, с. 315]. Мыслитель верил в великую внутреннюю силу России: «Мы не можем не чувствовать великую силу России... Всегда есть надежда, что на краю гибели, в самый трагический момент раскроется и перейдёт в активное состояние эта скрытая, внутренняя сила России». И одновременно понимал ответственность текущего исторического момента: Россия «призывается историей к ответственной организации своих необъятных сил» [1, с. 477–478].

Защищая национальную индивидуальность и национальное единство, он отвергает социально-классовый подход, ведущий к расколу, распаду. Борьба классов должна быть смягчена и подчинена ценностям общенациональным. Кроме классов и социальных групп существует Россия как «единое целое» [1, с. 357]. Он пишет: «Целое выше части, нация выше класса, объективные исторические ценности выше частных и классовых интересов» [1, с. 364]. Бердяев резко критикует и правых, и левых. По его словам, «В России нет настоящего консерватизма» [1, с. 376]. Он разоблачает «идейное убожество» правых [1, с. 398] и «доктринёрское сознание» радикальной интеллигенции, которое грозит вырождением революции в «новую деспотию» [1, с. 392; 53, с. 385]. Он отмечает: «Пафос социального равенства всегда подавлял у нас пафос свободы личности» [1, с. 196]. Беда в том, что «правая» Россия начала разлагаться, когда «левая» Россия «ещё не вполне созрела». Он ставит проблему национального сознания и национального единства в России как творческую задачу мысли и воли – вне традиций «правости» и «левости» [1, с. 331].

Он призывает, говоря его словами, «ликвидировать просветительский рационализм социологических учений и утопий» [1, с. 394]. Для правых и левых не существует Россия как единый организм [1, с. 377]. Но время было катастрофичным разрушением старой органики. Бердяев видел: «Все устойчивые колеблются» [1, с. 230]. «Может ли апокалиптическое призвание России, связанное с конечным периодом мировой истории, быть обосновано на её историческом бытовом укладе, церковном, национальном и общественно-государственном» [1, с. 294] – вопрошал мыслитель.

Многие оптимистические прогнозы философа не осуществились, что война закончит с буржуазными идеалами и социалистическими [1, с. 143, 274, 326], Россия, как он вначале верил, «органически входит в Европу как её неотъемлемая часть» [1, с. 538]. Осуществились скорее пессимистические опасения: «исключительное погружение Европы в социальные вопросы, решаемые злобой и ненавистью, есть падение человечества» [1, с. 20], проявление его варваризации. Мировая война поставила многие глобальные вопросы, которые не разрешены и ныне. И потому основные мысли Бердяева звучат актуально и сегодня: об эпохе великого переселения народов, о равноценности Запада и Востока, о диалектике национального и универсального, об историческом призвании России как защитницы и объединительницы народов, утвердительницы духа всечеловечности и всемирности. Он ставит проблему сближения Востока и Запада, видит в наступающей драматичной эпохе «объединение человечества через борьбу, взаимодействие и общение всех рас» [1, с. 136].

Пафос бердяевского, иоанновского христианства – идеи преображения и одухотворения мира, внесения в мир высших начал, антибуржуазный пафос. Бердяев приветствовал февральскую революцию как, в его определении, «великий исторический переворот» [1, с. 699], «великую русскую революцию». Но уже в марте 1917 г. мыслитель опасается, как он пишет, «возрастающей розни», продолжения революции «в духе социально-классовом» [1, с. 503], а «исключительное господство классовой точки зрения... может привести к гражданской войне» [1, с. 702]. Многие провидел философ в своё переходное время: «Мы освободились от власти одного деспотизма не для того, чтобы попасть во власть другого деспотизма» [1, с. 506]. Революция для философа – всегда «опасность разрыва связи времён» [1, с. 507], распад целостности и преемственности. «Была ли в России революция?» – вопрошает мыслитель

в одноимённой работе после большевистского переворота, определяя суть перемен вступлением России в смутное время: «Мы переживаем не столько революционную, сколько смутную эпоху». Ничего нового не произошло: «те же приёмы насилия и террора» [1, с. 650, 652]. В чём смысл смутного времени – всё двоится, старые образы являются в новых одеяниях. Мыслитель выступает с резкой критикой большевизма как революционного максимализма, который «всё объявляет дозволенным для революционных целей» [1, с. 576]. Мысль Бердяева остра и актуальна: «Принудительное водворение «Царства Божьего на земле» всегда пахнет кровью, всегда есть злоба и взаимное истребление»; «Восстаниями и диктатурами ничего нельзя изменить в жизни социальной» [1, с. 525–526].

В смутную эпоху, говоря словами мыслителя, «зло принимает обличье добра, а добро – обличье зла» [1, с. 519]. Более того, мировая жизнь вступает в период, когда «нет твёрдых очертаний», «соблазны величайшего зла могут явиться в обличье добра» [1, с. 549]. В своей двоящейся эпохе Бердяев отвергал не только революционный максимализм, но и стирание очертаний, границ, смешение и подмены. Дух «утверждения бескачественной трудовой массы, в которой утопает всё индивидуальное» [1, с. 519], разоблачён Ф.М. Достоевским в «Легенде о Великом Инквизиторе» и Вл. Соловьёвым в «Повести об антихристе». Разоблачить этот дух Бердяеву помогает профетический пафос русской литературы: «Дух этот пожелал осчастливить людей, лишив их духовной свободы» [1, с. 594]. Он пишет: «Достоевский и Соловьёв гениально, пророчески вскрыли этот двоящийся образ грядущего, прельщающий миллионы младенцев»; «Во имя счастья и равенства дух этот хотел бы истребить всё возвышающееся, всё качественное, всё ценное, всякую свободу, всякую индивидуальность» [1, с. 595]. Русский человек, размышляет философ о русской ментальности, «по женственной природе своей» легко поддаётся «соблазнам двоящихся образов, соблазнам зла, принявшего обличье добра». Потому самозванство так характерно для русской истории, в которой, словами Бердяева, «часто являлись образы двоящиеся, не личности, а личины». Он подчёркивает: «Диаволом не соблазнить русскую душу, антихристом же легко можно её соблазнить» [1, с. 597]. Антихрист – смешение и подмена, пленяет зло, принявшее обличье добра. Религия большевизма, точнее «лжерелигия» [1, с. 613], отмечает философ, «пленяет равенством, справедливостью и всемирным торжеством окончательной

социальной правды и социального рая» [1, с. 598]. Совершается подмена: когда человек, пишет Бердяев, «перестает религиозно почитать высшее, он начинает религиозно почитать низшее» [1, с. 635]. Подводя итоги своей двоящейся эпохи, мыслитель отмечал: «Лишь катастрофы оздоравливают душу народа, лишь тяжёлые испытания и трагический опыт проверки ложных идей пробудят лучшее сознание» [1, с. 646].

Бердяев продолжает «веховскую» критику русской революционной интеллигенции с её «сектантской психологией», по его словам, «бросившей в тёмные народные массы семена классовой злобы и ненависти» [1, с. 740–741], культурного нигилизма, что и привело к погрому культуры. Он писал: «Тогда «народ» жестоко мстит «интеллигенции» за разрушение древних святынь отрицательным полупросвещением... Торжествующий большевизм отдаёт русскую культуру на погром и разграбление..., выбрасывает за борт всю интеллигенцию, весь культурный слой» [1, с. 755]. Бердяев отвергает, говоря его словами, «материалистический социализм», который «ведёт к подбору худших» и кончит оклократией» [1, с. 735]. Он полагал, что «революционный социализм есть ложная религия» [1, с. 696]. Но русский народ не может забыть своего христианского воспитания [1, с. 707]. Бердяев верит в возможность, говоря его словами, «русского социализма, согласного с характером русского народа», который «должен носить нравственный и даже религиозный характер» [1, с. 696]. Но прежде всего мыслитель призывает к элементарному смирению, как он говорит, «перед законом цивилизации, перед культурой, перед светом знания. Огромное тёмное мужицкое царство должно пройти долгий путь цивилизования, просвещения и просветления» [1, с. 749].

Лишь активная творческая позиция может противостоять наступившей смутной эпохе подмен и лжерелигий, цивилизованного варварства. Таким образом, анализируя современные социокультурные процессы, Н.А. Бердяев одним из первых уловил сдвиг современного мира в сторону взаимодействия полярных начал, понимая, что без духовных ориентиров это взаимодействие будет конфликтным и проблематичным.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – 1179 с.
2. Беседа с историком Я. Гординым // Литературная газета. – 2014. – № 37. – С. 4.
3. Сапов В.В. Военно-революционная публицистика Н.А. Бердяева // Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 5–14.